

“В

о всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, промелькнуло событие, которых никто никому не открывает, а они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно дают тайное направление чувствам и поступкам». Вероятно, на 99 процентов М.Ю. Лермонтов прав. Остается один процент как исключение, как чудо, как что-то тайное, необъяснимое...

Говорю о героинях Тургенева. Тургеневские женщины... Как бы мы ни пытались объяснить суть этого словосочетания, все будет приблизительным. Главный смысл этого словосочетания заключается в нем самом — кто читал произведения Тургенева, тот это знает. Никто из великих писателей мира не оставил нам таких героинь. Порой кажется, что это было великое предназначение Тургенева, и только его. «Я, Бог ведает за какие заслуги, пользовался расположением двух-трех прекрасных женских душ», — говорил Тургенев. Наверное, Один Бог ведает, почему этот великий дар был дан Тургеневу — дар знания женской души.

Еще в школе мы, читая романы и повести Тургенева, испытываем необъяснимое чувство, буд-

то ты открываешь то, что никогда никому невозможно открыть. И если кто заставлял тебя за чтением «Фауста», «Первой любви», «Дворянского гнезда»... охватывало чувство смущения, какого-то неудобства.... Как будто ты обнажаешь свою душу, все самое сокровенное, тайное... Присутствие Тургенева тебе не мешает, а присутствие любого другого человека почему-то невозможно, неприятно, почему-то не желательно. Может быть, потому что никто не поймет тебя так, как Тургенев? Вспоминаю бесценный совет протоиерея Александра (Половинкина), бывшего ректора Волгоградского политехнического института, в 50 лет принявшего крещение, по инициативе которого был организован Царицынский православный университет: «Никогда никому не говори сокровенное, что происходит в семье твоей, в душе. Это можно говорить только духовнику на исповеди».

Все героини Тургенева — они как бы перед Богом в полной и обнаженной чистоте, откровении, беззащитности, ибо знают, что Господь и поймет, и поможет, и простит, и защитит.

Не смогла же открыть свою душу мужу, которому всегда все доверяла, Валерия («Фауст»). «Фабий сел возле кровати, взял Валерию за руку и, помолчав немного, спросил ее: какой это необыкновенный сон напугал ее нынешней ночью? И был ли он вроде того сна, о котором рассказывал Муций? Валерия покраснела и поспешно промолвила: «О нет! Нет! Я видела какое-то чудовище, которое хотело растерзать меня». — «Чудовище? В образе человека?», — спросил Фабий. «Нет, зверя... зверя!» — и Валерия отвернулась и скрыла в подушки пылающее лицо».

Валерия не сказала правду мужу. Но она пошла на исповедь. Своему духовнику, точнее, Богу она рассказала все, «...не столько стыдись, сколько ужасаясь». Чистая, светлая, ангельская душа Валерии страдает... Духовник отпустил ей ее невольный грех и вместе с тем подумал: «Колдовство, чары бесовские... Это так оставить нельзя...» Не вынес ли Муций из стран, не озаренных светом христианства, заразу ложных учений, не спознался ли с тайнами магии? И хотя старинная дружба связывала мужа Валерии с Муцием, почтенный монах благословил на необходимость разлуки.

Это не Лиза, нет, это я прощаюсь со своей комнаткой, «тщательней обыкновенно привожу ее в порядок, вытираю пыль, перевязываю ленточкою все свои тетради, запираю все ящики, поливаю цветы, коснувшись рукой каждого цветка...» Это я «опускаюсь на колени перед распятием, кладу голову на стиснутые руки... И, оставаясь неподвижной, молюсь. О чем? Я прошу благословения у Бога уйти в монастырь... Другого человека не может быть в моей жизни... А без Лаврецкого зачем здесь жить в миру?»

Это я, «перебираясь с клироса на клирос, прохожу близко мимо его (Лаврецкого) ровной торопливо-смирненной походкой монахини — и не взглянула на него; только ресницы обращенного к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она (нет, я) свое исхудалое лицо — и пальцы сжатых рук, перевитые четками, еще крепче прижались друг к другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать — и пройти мимо».

Это мой отец Николай Артемьевич, провожая меня с Инсаровым, «по родительским представлениям» говорит мне: «Вот тебе последнее родительское благословение...»

...Он достал из кармана сюртука маленький образец, зашитый в бархатную сумочку, и надел ей на шею». Это я рыдаю и целую руки отца..... «Смотри ж, пиши нам, — говорил он прерывистым голосом...» «Прощайте, папенька, Андрей Петрович, Павел Яковлевич, прощайте все, прощай, Россия!»

Через три недели после моего отъезда мои родители получают письмо, написанное мною:

«Милые мои родные, я навсегда прощаюсь с вами. Вы меня больше не увидите. Вчера скончался Дмитрий. Все кончено для меня. Сегодня я уезжаю с телом в Зару. Я его схороню. И что со мною будет, не знаю! Но уже мне нет другой Родины, кроме родины Дмит-

рия. Там готовится восстание, собираются на войну; я пойду в сестры милосердия; буду ходить за больными, ранеными. Я не знаю, что со мной будет, но я и после смерти Дмитрия останусь верна его памяти, делу всей его жизни... Я приведена на край бездны и должна упасть. Нас судьба соединила недаром: кто знает, может быть, я его убила; теперь его очередь увлечь меня за собою. Я искала счастья — и найду, может быть, смерть. Видно, так следовало; видно, была вина... Но смерть все прикрывает и примиряет, — не правда ли? Простите мне все огорчения, которые я вам причинила; это было не в моей воле. А вернуться в Россию — зачем? Что делать в России?

Примите мои последние лобзания и благословение и не осуждайте меня. Е.»

Невозможно забыть то чувство, которое охватывало всю душу, когда читала «Дворянское гнездо». Может быть, потому что никто не поймет тебя так, как Тургенев? Все героини писателя — они как бы перед Богом в полной и обнаженной чистоте, откровении, незащитности, ибо знают, что Господь и поймет, и защитит...

Спрашиваю у себя: «Смогла бы я поступить так, как Елена Стахова?» И честно отвечаю: «Едва ли...» Я хотела бы так поступить... Зернышко того великодушия, цельности, преданности, любви — всего того, что составляет суть Елены Стаховой (и почти всех тургеневских героинь), где-то в душе моей лежит... как и в каждой душе... Почему я чувствую, что все происходит со мной? Видимо, потому что я так хочу жить. Смогу ли? Прорастет ли то золотое зернышко?

Когда читаешь Тургенева, становишься, как кажется, лучше. Теплое лирическое воодушевление автора, свойственное только ему, передается читателю, волнует, никогда не забывается. Тема облагораживающей любви — собственно тургеневская тема. Многие поэты и писатели тему эту поднимали. Но в художественном мире Тургенева эта тема находит неповторимые авторские раздумья, чувства, переживания, решения. Во многих произведениях Тургенева, посвященных, казалось бы, исключительно личным судьбам героев, любовь — это отнюдь не просто интимнейшее человеческое чувство. Любовь у Тургенева — всегда сильнейшее чувство, которое он приравнивает к самым могучим человеческим чувствам, способным перековывать человека, делать его сильным и волевым, способным на подвиг и жертву.

Для Тургенева любовь — подвиг, и он воспевает ее как силу, способную противостоять всему — и эгоизму. «Только ею, только любовью держится и движется жизнь».

Правда этих слов — итог глубокого раздумия писателя — подтверждается в каждом его произведении. Тургенев — великий певец любви, и любви к жизни, прежде всего. Он утверждал: «... а в жизни все-таки ничего нет лучше жизни, как она ни бывает подчас тжела».

Любовь и вера освещают каждую строку наследия Тургенева. «Над этим священным пламенем могут смеяться только те, — говорил он, — в чьих сердцах оно либо погасло, либо никогда не вспыхивало... без веры, без глубокой и сильной веры не стоит жить — гадко жить, без горячей любви и веры ирония — дрянь — и критика хуже брани».

Для Тургенева любовь — самое большое жизненное испытание, проверка сил человека, и прежде всего сил душевных и нравственных.

Трагическое в жизни вообще волновало Тургенева, но трагическое в любви — особенно. «В судьбе почти каждого человека есть что-то трагическое, только часто это трагическое закрыто от самого человека пошлой поверхностью жизни. Кто останавливается на поверхности (а таких много), тот часто не подозревает, что он — герой трагедии. Как приглядишься — трагическое виднеется в каждом, либо свое, либо наложенное историей, развитием народа.. И причем все мы осуждены на смерть... Какого еще хотеть трагического?»

Трагическое видится в юной, первой, чистой любви, трагическое — и в загадочной, страшной, роковой. Писатель стремится понять причины власти трагедии. Понять — значит оправдать и себя, и жизнь...

Елена Стахова рядом с умирающим Инсаровым: «Неужели же нельзя умолить, от-вратить, спасти... О Боже! Неужели нельзя верить чуду? — она положила голову на сжатые руки. — Довольно? — шепнула она. — Неужели уже довольно! Я была счастлива не одни только минуты, не часы, не целые дни — нет, целые недели сряду. А с какого права?» Ей стало страшно своего счастья. «А если этого нельзя? — подумала она. — Если это не дается даром? Ведь это было небо... а мы люди, бедные, грешные люди... *Moriz si giovane...*»

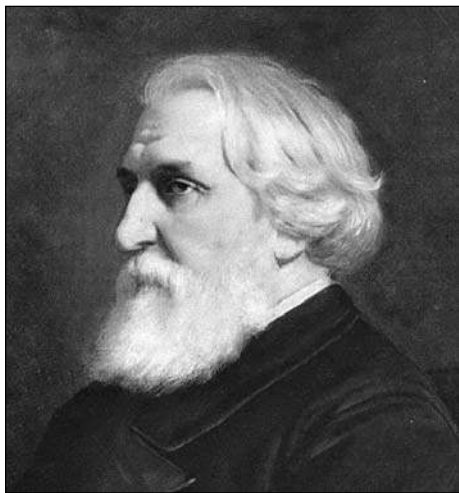
«Но если оно — это наказание, — подумала она опять, — если мы должны теперь внести полную уплату за нашу вину? Моя совесть молчала, она теперь молчит, но разве это доказательство невинности? О Боже, нужели мы так преступны! Неужели Ты, создавший эту ночь, это небо, захочешь наказать нас за то, что мы любили? А если так, если он виноват, если я виновата, — прибавила она с невольным порывом, — так дай ему, о, Боже, дай нам обоим умереть, но, по крайней мере, честной, славной смертью там, на родных его полях, а не здесь, не в этой глухой комнате».

Может быть, я не права, но глубоко убеждена, что отношение Елены к Богу равно отношению автора к Богу. Здесь столько чистоты, цельности, любви... но отношение это ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ, для себя, для своей души вопросительное. И вопроса этого не снимает авторский комментарий, идущий в тексте следом за вопросами Елены. Автор объясняет читателю, дает ответы на вопросы своей героини: «...Елена не знала, что счастье каждого человека основано на несчастье другого, что даже его выгода и удобство требуют, как статуя — пьедестала, НЕВЫГОДЫ И НЕУДОБСТВА других». Но ответ этот не удовлетворит человека, христианина: счастье любящих людей (любящих жертвенно, как просил Господь) не может делать другого несчастным. А Тургенев ведь и сам воспевал не просто любовь, а любовь-жертву, любовь, надламывающую эгоизм. Любовь же, основанная на эгоизме, любовь-наслаждение Тургеневым отвергается. Да и можно ли такую «любовь» назвать любовью? Почему любовь-жертва, только она может называться любовью? Потому что Христос пришел на землю, искупив нас Своим безмерным страданием. Это была великая жертва... И кто готов идти за Христом, тот может идти только той дорогой, которой шел Он, не испытывая «неудобства» и «невыгоды».

Странно, но прихожу к мысли, что и правда есть в ответе Тургенева. Правда, заключающаяся в том, что если перед нами великий писатель, то, вопреки собственным убеждениям, симпатиям и антипатиям, в своих произведениях он отразит жизнь такой, какова она есть.

Какова же она есть, наша жизнь? Разве много людей найдем истинно верующих? Желающих так жить — да, живущих так — мало... А если мало, то, конечно, Тургенев прав: «...Счастье каждого человека основано на несчастье другого...» Это правда жизни. Есть много писателей и поэтов, которые изображают жизнь такой, какой она должна быть. Тургенев оставляет в своих произведениях жизнь такой, какая она есть. Но среди его персонажей есть люди, как звезды, как небо, как мечта. Они есть и в жизни, ими держится и движется жизнь.

Преимуществом это женские образы, тургеневские женщины. Точности, прав-

Иван Сергеевич Тургенев

дивоты в описаниях переживания своих героинь Тургенев достигает не только благодаря огромному художественному мастерству и не потому, что «... пользовался расположением двух-трех прекрасных женских душ», но, прежде всего, потому, что Господь наградил Тургенева этим великим даром.

Удивительно то, что, читая Тургенева, попадаешь в жизнь как она есть, но в этой жизни столько высокого, чистого, доброго, мужественного, загадочного — и ты идешь за автором, забывая обыденность, замирая от счастья жизни, надеясь на милость Божию, плача и благодаря...

Певец идеальной женской любви — какой он? Послушаем людей, которые лично видели Тургенева. Воспоминания Батиста Фори, генерала, впервые напечатаны в Париже в 1917 году:

«Дорогой Тургенев! Среди тех, кого я встречал на своем пути, никто не оставил по себе воспоминания, столь обаятельного и столь глубокого. Вы были одновременно и великим, и добрым; ум и сердце были в вас равны. И так как подобное сочетание встречается бесконечно редко, я с волнением, благодарностью и глубоким уважением отдаю дань вашей памяти».

Откроем двухтомник воспоминаний о Тургеневе.

Г.Джеймс:

«В его глазах — самых добрых глазах в мире — светилась глубокая печаль... Меланхолия составляла глубокую и неизгладимую особенность его темперамента... Но в нем было много искрящейся веселости, способности отдаваться наслаждению. Тургенев был очень сложная натура».

Гюстав Флобер:

«...От произведений исходит терпкий и нежный аромат, чарующая грусть, которая проникает до глубины души... сочетание умиления, иронии, наблюдательности и красок... и как все это согласовано».

Вспоминают Тургенева человеком, у которого совершенно отсутствовали какие-либо личные претензии, человеком, лишенным сознания своей собственной силы... Чувство красоты, любовь к правде и справедливости лежали в основе его натуры. Современники видели в нем сочетания красоты с самой утонченной культурой. Подчеркивают нерешительность, мягкость... Ни капли тщеславия не видели в нем, не видели стремления поддержать свою репутацию, «играть роль». Чрезвычайно воздержан был в пище и питье. Любимое блюдо — икра (надо иметь в виду, что в России, вплоть до моих студенческих лет, выпавших на 1960-е годы, икра среди прочих рыбных продуктов, отнюдь не была изысканным деликатесом. — З.Е.), очень любил варенье из поляники, ягоды, имеющей вкус голубики, плюс ананас. Любимый запах (духи) — «Тардени»...

Все дорого, любая мельчайшая деталь. Все дорого, когда хочешь представить себе человека, писателя, ставшего для тебя очень близким. Все, даже его недостатки, даже его нелюбовь ко всякого рода правилам: часто опаздывал на встречи, не умел распоряжаться временем... Даже его шутки, порой недозволенные, заставляющие о многом думать. Так, однажды у Тургенева с его матерью был разговор, о котором вспоминает приемная дочь Варвары Петровны В.Н. Житова, по некоторым источникам она была внебрачной дочерью Варвары Петровны. При этом разговоре присутствовала Житова, будучи еще девочкой... «Определился бы ты на настоящую службу, получил бы чины, а потом и женился бы, ведь ты теперь один сможешь поддержать род Тургеневых», — говорила мать сыну. Но когда речь дошла до женитьбы, Тургенев громко расхохотался: «Ну уж это, маман, извини — и не жди — не женюсь! Скорее твоя Спасская церковь на своих двух крестах трепака запляшет, чем я женюсь». — «Как ты смеешь смеяться, когда он говорит глупости», — зашумела на меня Варвара Петровна. «И какие ты, Иван, глупости при ребенке говоришь», — обратилась она к сыну».

И Варвара Петровна права: о святом так нельзя говорить. Это кощунство. Тургенев утверждал: «...причем все мы осуждены на смерть. Какого еще хотите трагического?» Почему? Почему так думает Тургенев? Ведь любой православный человек знает, что у Бога все живы, что смерть это только переход, переход в иную жизнь... И еще Тургенев говорил, что любовь — это сильнейшая страсть. Зачем страсть? Слово «страсть» содержит в своем смысле громадную долю чувственности. Мы говорим: «Надо трудиться над очищением души от страстей: тщеславия, гнева, ревности, лукавства и, конечно, страсти любви».

Почему так трагично сложилась личная жизнь Тургенева? Ведь ничего случайного в жизни не бывает. Что обрекло его на бесприютную жизнь одинокого вечного странника? «Куда мне деться? Что предпринять? Я как одинокая птица без гнезда...» Это стихотворение в прозе «Без гнезда». Сюжет известен читавшим и любящим Тургенева. Стихотворение завершается так: «Устала бедная птица... Слабеет взмах ее крыл, ныряет ее полет. Взвилась бы она к небу... но не свить же гнезда в той бездонной пустоте!..

Она сложила наконец крылья... и с протяжным стоном пала в море.

Волна ее поглотила... и покатилась вперед, по-прежнему бессмысленно шумя.

Куда же деться турнева? Не пора ли и мне — упасть в море?

Январь 1878» .

Может быть, зацепил враг еще тогда, когда Тургенев насмешливо и кощунственно говорил матери о своей вечной холостой жизни. Враг ведь выбирает лучших: худшие и так его. Зацепил и не отпускал. Бывал ли Тургенев в церкви? Да, конечно. Но, вероятно, так, как Лаврецкий в его романе «Дворянское гнездо». Лаврецкий пришел не молиться, пришел увидеть Лизу, которая «вся проникнута чувством долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, с сердцем добрым и кротким, она любила всех и никого в особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нежно...»

Он пришел в церковь проститься с Лизой. Смотрел не на иконы — на людей. На лице одного мужика «такое горькое горе сказывалось и в его лице, и во всех его движениях, что Лаврецкий решил подойти к нему и спросить его, что с ним. Мужик пугливо и сурово отшатнулся, посмотрел на него... «Сын помер», — произнес он скороговоркой и снова принялся класть поклоны... «Что для них может заменить утешения церкви», — подумал Лаврецкий и сам попытался молиться; но сердце его отяжелело, ожесточилось, и мысли были далеко. Он все ждал Лизу...»

В церкви нельзя разговаривать, нельзя смотреть по сторонам... Это дом Божий. В церкви молятся. Конечно, нельзя однозначно утверждать, что Тургенев бывал в церкви так, как Лаврецкий. Но нельзя и исключать это. И высказывания Тургенева, и его жизнь — так, как она сложилась — свидетели этому. Да, Тургенев верил в Бога, но очень по-своему. Может быть, как Лаврецкий, который спросил у Лизы: «Помолились вы за меня?» — «Да, и за вас помолилась и молюсь каждый день. А вы, пожалуйста, не говорите легко об этом».

«...Лаврецкий пустился толковать о религии, о ее значении в истории человечества, о значении христианства...

— Христианином нужно быть, — заговорила не без некоторого усилия Лиза, — не для того, чтобы познавать небесное там... земное, а для того, что каждый человек должен умереть».

Конечно, Тургенев и принимал, и понимал отношение Лизы к религии, но он так верить не мог, как и Лаврецкий, просто не мог. Почему? Разве можно ответить на этот вопрос?

Вспоминаю своего студента, которому уже почти 50 лет и который хлебнул в жизни так много... Он красивый талантливый человек, носит крестик на груди, уважает людей, посещающих храм, верует, но на мой вопрос, почему ты не в храме, отвечает: «Значит, петух еще не клюнул». А петух-то клевал десятилетия, продолжает клевать...

Как понять? Довелось мне слышать однажды хохот его жены и при этом видеть ее лицо... Это было давно... Сейчас, перечитывая Тургенева, я вздрогнула: «Лицо ее внезапно вспыхнуло — и так же внезапно приняло злое и дерзкое выражение...

— Господи! Как это глупо! — воскликнула она вдруг с резким хохотом...

Это движение рукою, этот оскорбительный хохот, это последнее восклицание...» Где я это видела? Где слышала? А!!! — лицо жены моего бывшего студента предстало предо мною. Молодая, симпатичная, она в мгновение стала страшной, и ее хохот — резкий, какой-то дикий, лошадиный — содрогнул мою душу и надолго остался в памяти... «Из вас может выйти хорошая актриса — но зачем вы выдумали надо мной-то комедию ломать?» — чуть не закричал вслед удалявшейся девушке Аратов».

Вне влияния критики, основываясь только на свое чувствование, могу между женой студента и Klarой Милич видеть Полину Виардо. Наверное, я права, потому что сначала почувствовала, а потом только обратила внимание на текст. Просто случайного в тексте ничего не может быть. «Мы затеяли литературно-музыкальное утро... и на этом утре ты можешь услышать девушку... необыкновенную девушку! Мы еще не знаем ее хорошенько: Рашель она или Виардо? Потому что она и поет превосходно, и декламирует, и играет... Талант, братец ты мой, первоклассный! Без преувеличения...» — говорит Аратову Купфер.

Считают прототипом Klarы Милич оперную певицу, драматическую актрису Е.П. Кадмину. Актриса эта в 1881 году в Харькове покончила с собой, приняв яд во время исполнения роли Василисы Мелентьевой в пьесе А.Н. Островского. Так оно, видимо, и было. Но прототип — это только основа, канва... Друзья Тургенева говорили о том, что писатель не рискнул, не смог в своем художественном наследии оставить портрет П.Виардо. Оставил... И не только в повести «Клара Милич». Как камешки мозаики, Тургенев вкрапывал черты внешние и внутренние своей любимой женщины в характеры и внешность своих героинь. «Это была девушка лет девятнадцати, высокая, несколько широкоплечая, но хорошо сложенная. Лицо смуглое, не то европейского, не то цыганского типа, глаза небольшие, черные, под густыми, почти сросшимися бровями, нос прямой, слегка вздернутый, тонкие губы с красивым, но резким выгибом, громадная черная коса, тяжелая даже на вид, низкий неподвижный, точно каменный лоб, крошечные уши... Все лицо задумчивое, почти суровое. Natura страстная, своевольная — и едва ли добрая, едва ли очень умная, но даровитая — сказывалась во всем».

Мать Тургенева называла П. Виардо «проклятой цыганкой». Но прекрасное пение Виардо вынуждена была принять и Варвара Петровна. Мануэль Гарсиа, отец Виардо, по некоторым сведениям, происходил из цыганской семьи. Но ведь и Аратов называет Klarу цыганкой, вкладывая в слово этот оттенок неприязни и неприятия.

Как мучился Тургенев... Ведь не год, не пять лет, а 42 года! Как он мучился рядом с Полиной Виардо и одновременно (приходили дни) ощущал себя очень счастливым. Так же загадочно мучается Аратов: он то не может пойти на встречу с Klarой, то категорично запрещает себе о ней даже думать, интуитивно чувствуя в ней не любовь и добро, а зло, неприязнь. Он вроде бы одержал победу над собой: «...Прошло два... прошло три месяца и Аратов стал прежним Аратовым. Только там, внизу, под поверхностью его жизни что-то тяжелое и темное тайно сопровождало его путь. Так большая, только что пойманная на крючок, но еще не выхваченная рыба плывет по дну глубокой реки под самой той лодкой, на которой сидит рыбак с крепкой лесой в руке».

Так вижу П. Виардо — между Klarой Милич и женой моего студента. Вижу в образе этого «рыбака с крепкой лесой в руке». Как не принимали друзья И.С. Тургенева П. Виардо! Сколько усилий предпринимали, чтобы оставил писатель П. Виардо, чтобы обрел счастье на своей родине! Тому есть много свидетельств. Тургенев и сам метался, как его герой Аратов. Свою зависимость от П. Виардо, «рабство» он сам нес

покорно, но не безропотно. По самым разнообразным поводам, когда он был наездами в России, бессилие и горькие жалобы вырывались у него: «Я сам себе гадок, себе противен, зачем я живу, для чего — тряпка какая-то... Как бы я хотел теперь лежать с моим другом в земле...»

Вспоминает Л.Ф. Нелидова (Л.Ф. Ламовская). «Был болен Я.П. Полонский. Зубы донимали его. Вышел он, обвязанный шелковой мягкой косынкой с длинной бахромой. Бахрома перепуталась с волосами, с бородой. Все ему сочувствовали, но еле удерживались от смеха. Тургенев грустно сказал: «Вы смеетесь, а знаете ли, что я думаю? Я думаю, что вот эта косынка — женская косынка... И она дана и завязана была женской рукой. Счастлив тот, подле кого есть такая рука. Не всякому отпущено это счастье судьбой.»

— Человек своими руками творит свое счастье, — глубокомысленно заметил Топоров.

— Не всегда и не всякими руками можно это сделать, — улыбаясь, сказал Тургенев».

Как-то в Париже А.Ф. Кони беседовал с Тургеневым. Женщина, пришедшая с Кони, как бы смеясь, попросила Тургенева, чтобы он посоветовал Кони «связать себя брачными узами». Тургенев молчал, а потом заговорил с плохо затаенным страданием: «Да-да, женитесь, непременно женитесь! Вы себе представить не можете, как тяжела одинокая старость, когда поневоле приходится приютиться на краешке чужого гнезда, получать ласковое отношение к себе как милостыню и быть в положении старого пса, которого не прогоняют только по привычке и из жалости к нему. Послушайте моего совета! Не обрекайте себя на такое безотрадное будущее».

Б.Н. Чичерин вспоминал разговор с Тургеневым. Тема: необходимо выходить из фальшивых положений. На помощь пришло изречение Александра Дюма-сына: «Из двусмысленного положения выходят, в нем не остаются». А Тургенев с грустной иронией воскликнул: «Из фальшивых положений не выходят! Нет-с, не выходят: из них выйти нельзя!..»

Из фальшивого положения не может выйти Тургенев, не могут выйти многие его герои, в том числе и Аратов (вслед за Кларой умирает и он). Из фальшивого положения не может выйти и мой студент. И студент мой не один. За сорок лет работы в вузе видела немало таких случаев. И, бывало, кончалось, как с Аратовым, летальным исходом. В лучшем случае — здоровые и умные люди, с мягкими и добрыми сердцами, становились больными и несчастными. И, главное, везде одинаково: в определенные периоды своей жизни ощущали себя и здоровыми, и счастливыми.

Так было и с Тургеневым: он не раз говорил о том, что рядом с Виардо счастлив... что ее дети — смысл его жизни. Так он делился своими чувствами с друзьями в России: «Предположим, что каким-нибудь образом мне было бы предоставлено на выбор: быть... ну, скажем, первым писателем не только в России, а в целом мире, но зато никогда больше не увидеть их (он показал и обратил к нам карточки, зажатые в ладони). Или наоборот: быть не мужем — нет, зачем? — а сторожем, дворником у них, если бы они уезжали куда-нибудь... На остров Вайгач или Колгуль, — я ни одной минуты не колебался бы в выборе».

Как и во времена Тургенева, так и у нас, особенно начиная с нашей «перестройки», стали активно заниматься магией. Многие тому свидетели. На книжных прилавках, в киосках — на каждом шагу — можно было встретить в продаже эти страшные, чрезвычайно вредные книги. По сей день стали обыденностью объявления в прессе «целителей» в пятом поколении: «Приворожу...», «Уведу от любовника...» В годы нашего студенчества такого откровенного дьяволизма не было. Я тогда не ходила в храм. И, читая Тургенева, конечно, не видела того, о чем говорю сейчас, что вижу, отчего очень страшно и больно. Увидела это на судьбе многих людей. Со временем не могла не почувствовать влияние черных чар на судьбу Тургенева. Он был для того очень

благоприятной почвой: мягкий, добрый, светлый, щедрый. Был однолюбом — ценнейшее качество. Веровал в Бога, но не вел праведный церковный образ жизни — оказались не защищенными его светлые силы от черных. Мог поиграть словами в игру жестокую — вспомним его шутку в разговоре с матерью по поводу своей женитьбы. Вот и зацепил лукавый. Поэтому приходится не согласиться с А. Розановым, вступившим в полемику с Я.П. Полонским по поводу соображений Полонского относительно темы «Тургенев и П. Виардо». Полонский говорил о том, что последние 10–15 лет Тургенев не был влюблен в артистку. Он перечислил причины, по которым Тургенев, тем не менее, всю жизнь любил эту женщину. Первая из них: однолюб, вторая — гипноз, третья — Виардо не показывала ему «пошлой стороны всего житейского», четвертая — «Тургенев как художник восхищался Виардо, умевшей «играть» и на сцене, и в жизни, и каждому казаться тем, чем она хотела казаться», пятая — Иван Сергеевич не мог любить женщины кроткой. Ему, по мнению Полонского, непременно нужны были страдания, мучения, колебания, упоение в любви. И, наконец, шестая причина: она умела задевать «в душе его самые затаенные, самые мелодичные струны» и «беседой ли своей, или пением, или музыкой дать ему минуты такого истинного наслаждения и притом такого эгоистического самообожания, что Иван Сергеевич за эти минуты готов был все перенести и все забыть».

А. Розанов утверждает, не соглашаясь с Полонским: «Если Тургенев был однолюбом — значит, он не был загипнотизирован». Отчего же? Однолюб — это редко бывает, это очень достойное качество души человеческой. Однолюб умеет сохранить мечту своей жизни, не разочароваться, как бы тяжело ни было в жизни. Такие люди магическим воздействием более всего и поддаются.

Четвертая причина... С ней тоже невозможно согласиться: Тургенев сам был (почти все воспоминания сходятся в одном) человеком очень естественным, не играющим в жизни, как же он мог любить человека «играющего»?

Пятая причина, указанная Полонским, тоже вызывает несогласие: пристрастие к любовным мучениям — это совсем не тургеневское чувство — так же, как «эгоистическое самообожание», указанное в шестой причине.

Много субъективного. И в моих рассуждениях это присутствует. Ясно одно: с пути Писания Тургенев сошел — оттого и заблуждения, и муки, и тревога, и неясность...

Мы не имеем права судить: «Мне отпущение, и аз воздам». Это слова Господа. Только скажем о нарушении особенно десятой заповеди: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего». И нарушил эту заповедь Тургенев, по нашему мнению, только под воздействием темных чар. Как доказательство этой мысли слова П.Виардо: «Какое право имеют так называемые друзья Тургенева клеймить меня и его в наших отношениях? Все люди от рождения свободны, и все их действия, не приносящие вреда обществу, не подвержены ни чьему суду!»

Чувства и действия мои и его были основаны на законах, нами принятых, не понятых для толпы, да и для многих лиц, считающих себя умными и честными. Сорок два года прожила я с избранником моего сердца, вреда разве себе, но никому другому. Но мы слишком хорошо понимали друг друга, чтобы заботиться о вреде и что о нас говорят, ибо обоюдное наше положение было признано законным теми, кто нас знал и ценил. Ежели русские дорожат именем Тургенева, то с гордостью могу сказать, что сопоставленное с ним имя Полины Виардо никак его не умаляет». () Так П.Виардо отвечает на нападки русской прессы. Что ж, давайте посмотрим на это заявление с точки зрения православного человека.

Первое: сколько гордости здесь! Второе: сколько безбожия, атеизма («От рождения все свободны». Да, свободны, но одни в этой свободе идут за Богом, другие, как в данном случае, — за дьяволом). Третье: «действия» Виардо как раз и приносят громадный вред обществу. Значит, так можно жить? Пример великих людей? А молодость, она пойдет за таким примером. Четвертое: люди, стремящиеся жить по зако-

нам Божьим, называются толпой. Пятое: положение такого жителя принимается законным только безбожными людьми. Шестое: да, положение «обоюдное», но как к этому пришли? Представления о жизни человека, о любви, свободе, Боге у Тургенева иные — тому свидетельство все его творчество.

Если бы не была темными силами ранена воля, никогда Тургенев не обрел бы себя на это тяжелое и страшное «рабство». Не случайно же когда-то Тургенев сказал: «Делайте то, что я говорю, но не делайте того, что я делаю».

Что хотел сказать нам Тургенев и сказал, — все в его литературном наследии. Его Лиза Калитина, узнав, что жена Лаврецкого не умерла (кстати, о смерти Виардо не только говорили, но и французская пресса публиковала такую информацию в то время, когда она была в полном здравии), не только ставит крест на своем личном счастье (любовь не обоюдна), но уходит в монастырь. Его Вера («Фауст»), будучи замужней женщиной, полюбила Павла Александровича Б., образу которого Тургенев передал многое от своих умственных интересов, эстетических вкусов, настроений, увлечений. Вера же дает нам возможность сделать вывод о нравственной истине, которая лежала в духовной основе Тургенева. Эта истина евангельская: «Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй»... А я говорю вам, что, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем.

Если же правый твой глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в гиену...»

Потому Вера, имея возможность быть рядом с Павлом Александровичем Б., так, как был 42 года своей жизни Тургенев с Виардо, даже и не подумала о такой возможности — она была человеком глубоко верующим, чистым, духовным... Для нее заповеди Божии абсолютно перекликались с убеждением ее матери, Ельцевой, которая говорила, что «надо заранее выбрать в жизни: или полезное, или приятное, и так уж решиться раз и навсегда. И я когда-то хотела соединить и то и другое... Это невозможно и ведет к гибели или пошлости». Мы понимаем мысль эту однозначно и принимаем ее: полезное — это значит жить по законам, данным Господом; приятное — это значит жить по законам, как выразилась П.Виардо, «нами принятыми», то есть по своим законам, по законам дьявола.

А истина остается за Ельцевой: ее дочь умирает, она создана так, что пошлой жизнью жить не сможет.

Вспомните Анну Каренину. Лев Толстой нам показал, что Каренина, в отличие от Веры, совместила и полезное, и приятное... Но от исполнения всех ее желаний ничего не осталось ей, как лечь под колеса поезда... Да, уже возможно было покаяние. Но это другой разговор. А основа, сердцевина характеров Карениной и Веры — очень едина, светлая, чистая. Потому и Вера, перейдя черту, то есть, совместив даже не жизни, нет, — в желаниях, в помыслах полезное и приятное, погибла. Погибает совсем по-другому... просто ее душа, ее физическое состояние — не смогло это совместить. Таков Тургенев. Таков, вопреки всему. Он знал, как должен жить человек — с Богом. И Каренина, и Вера жили с Богом, но ни та, ни другая не прибегнули к покаянию — и финал жизни был трагический. Мы благодарим Тургенева за то, что он убедительно и зримо доказал всем своим творчеством и честно сказал: «Делайте то, что я говорю, но не делайте того, что я делаю». Он не смог усилием своей воли преодолеть это страшное искушение... Почему? На то есть, наверное, много причин, а может быть, одна... Кто знает... Знает только Господь: «Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать — и пройти мимо».

Тургенев умер не внезапной смертью, он долго и тяжело болел. Несмотря на это, он умер без соборования и причащения... горько. Сегодня «наука вернула наконец из небытия то, что существовало и существует в течение тысячелетий... Измерения показывают, что есть два типа духовности: добра и зла. Первые излучают положительные микрочастицы хрононы, а вторые — отрицательные». Академик Вейник объяс-

няет научно, опытно, что хрональная энергетика человека определяется методом измерения радиуса наногранального эллипсоида. Выяснилось, что причащение лавинообразно увеличивает этот радиус. А как могло быть по-другому? Тургенев пережил мужа Полины Виардо почти на полгода. Вспоминает А.П. Боголюбов: «Вся эта семья по принципам была атеистическая и свободомыслящая, не принадлежала ни к какой религии, и поэтому похороны его были свободны от всякой обрядности. Тело выставили в воротах дома под разбитым черным шатром, свеч зажжено не было... Все бродило вокруг, курили, разговаривали, о Боге и помину не было...»

Тургенева поместили в свинцовый гроб, из Бужеваля, где он умер, перевезли в Париж и поставили в подвал русской церкви на улице Дарю. Отпевание 7 сентября «вызвало из домов Парижа целую толпу людей гигантского роста, с бородой как у Бога-отца, — целую Россию, существование которой нельзя было и заподозрить», — записал в тот день Э. де Гонкур. Когда же гроб с телом Тургенева везли из Франции в Россию, по пути при каждой возможности на каждой почти станции были панихиды. Тургенев очень хотел быть похороненным рядом с Пушкиным (по одним источникам), по другим — у ног Белинского.

27 сентября весь Петербург, казалось, вся Россия вышла встречать своего великого писателя. Было много простого люда... Одному из друзей Тургенева показалось, что люди пришли просто потому, что все шли, то есть не знали, кого хоронят. Тогда, чтобы убедиться в истинности положения, он подошел к простому чернорабочему и, сделав вид, что ничего не знает, спросил: «Кого хоронят?» Человек удивленно посмотрел на спрашивающего и сказал: «Ты что, барин, не знаешь что ль? Тургенева, писателя нашего».

Народ знал и читал Тургенева. Вспомним, как при жизни Тургенева в Орле к нему подошли два простых мужика и спросили: «Не Вы ли Тургенев, который «Записки охотника» написал?» И на утвердительный ответ пали на колена, кланяясь и благодаря Тургенева «от всего народа русского».

Сам Тургенев говорил: «Все, что я хотел бы пожелать для своей могилы — это чтобы на ней были выгравированы слова о том, что моя книга («Записки охотника») послужила делу освобождения крестьян». Рассказывают, что, освобождая крепостных, Александр Второй просил передать Тургеневу: «Записки охотника» сыграли большую роль в моем решении».

Самая большая любовь Тургенева — любовь к своему народу. «Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел; для этого у меня, вероятно, недоставало надлежащей выдержки, твердого характера. Мне необходимо было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя; враг этот был крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца — с чем я поклялся никогда не примириться... Это была моя Аннибаловская клятва».

Дворянин по происхождению, барин по воспитанию, либерал по убеждениям Тургенев всем сердечным смыслом своих произведений служил делу любви — любви к человеку. Он был мирным сторонником прогресса и свободы: «Насильственно вламываться в народную жизнь с чуждыми ему принципами и теориями (а таковы все социально-революционные доктрины и все попытки перенести их на русскую народную почву), — нет никакого резона», — таково было мнение Тургенева.

Однажды со своими друзьями Тургенев поделился сюжетом, который зрел в его воображении. Суть будущего произведения: 1. У людей нет Бога; 2. Над народом абсолютная власть; 3. Люди умирают в любом возрасте; 4. Почва людей не может питать...

Дорогой Иван Сергеевич, это время, которое так страшило и Вас, и всех, вероятно, пришло. Чутьем великого художника Вы это предчувствовали.

1. Не стало Бога, отвергли Его — пролилась кровь. Вы ведь не принимали революции. А что получили? Что можно получить без Бога? Как Вы правы.

2. Абсолютная власть. У нас сейчас все разрушено: убита деревня(!), разрушено производство, убито образование, на стадии вымирания медицина... Что творится в области воспитания?! Уже выросло поколение бездушных и жестоких людей, для которых главное — материальное благосостояние... Каким разрушителем всех духовных и нравственных основ стал театр! Ставятся спектакли по мотивам произведений Пушкина, Чехова... Здесь и следа нет от трудов гениев, воспитывавших не народ, а народы. Все направлено на разложение души человека. Кто позволяет в прессе, на телевидении пользоваться языком, который составляет закрытый фонд лексики?! Кто позволяет опощлять Пушкина, Чехова? Не берусь отвечать на эти вопросы — ответ каждому ясен.

3. Люди умирают в любом возрасте. Да, умирают так, как Вами предсказано.

4. Почва. Насколько ее страданиям хватит сил? Почва отравлена, чернозем почти уничтожен. «Выбросы углекислого газа возросли до критического уровня. Уменьшилась площадь лесов, в водоемах на нет сходит количество рыбы. В океанах из-за понижения содержания кислорода увеличивается объем мертвых зон. Количество людей на земном шаре выросло на два миллиарда, а млекопитающих, рептилий, рыб уменьшилось на 30 процентов. Человечество стало причиной катастрофической потери биоразнообразия...» Данные взяты из документа, подписанного в 1992 году более чем пятнадцатью тысячами ученых разных стран. С момента выхода в свет этого «Предупреждения» ситуация с проблемой жизни на Земле стала еще более неутешительной.

Вы все предсказали — Вы знали, как избежать надвигающуюся трагедию, но в помощниках у Вас не оказалось таких правителей на Земле, каким был Александр Второй в России.

... Когда едешь в Орел, встречаешь по дороге дорогие и близкие каждому русскому сердцу Ваши слова, помещенные на огромных щитах: «Когда будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, моему молодому дубу, — Родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу». Слова эти Вы писали в письме к Полонскому в мае 1882 года. Вы были тогда в Париже, тяжело болели и предчувствовали свой уход из этой земной жизни. Вы сделали все, что только мог сделать для Родины и своего народа истинный гражданин Отечества.

Отечество как ответило Вам? Да, Тургенева похоронили в Петербурге, на Волковом кладбище, рядом с Белинским, как он и хотел. Может быть, пора вспомнить и просьбу писателя о той надгробной надписи, о которой он просил? Может быть, пора. По-другому стыдно жить... И надежды остаются светлые: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык. Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

... Можно было бы на этом поставить точку, но из творчества писателя «выпадает» роман «Отцы и дети», поэтому его никак нельзя оставить без внимания.

Он стоит особняком. Любил Тургенев этот роман больше всех своих произведений. Посвятил его Белинскому, человеку очень дорогому, человеку, который открыл Тургеневу путь в литературу. Главный герой романа — Евгений Базаров. Он на протяжении всего времени работы Тургенева над романом (с августа 1860 года по август 1861 года) ни на минуту не покидал автора. Базаров был рядом. Тургенев ведет дневник Базарова, каждый день записывая думы, волнения, радости, боли... Каждый день. Мы не знаем самих себя. А Тургенев хотел максимально понять Базарова, понять даже более, чем он понимал себя. В основу главной фигуры Базарова легла поразившая меня личность молодого провинциального врача Дмитриева (он умер незадолго до

1860 года)... Легли также и характеры, мировоззрения, особенности многих современников Тургенева: таких, как студент медико-хирургической академии Якушкин, Чернышевский, Добролюбов, Д.И. Писарев, Н.Успенский... Мы не говорим о политических, социальных воззрениях Базарова — об этом написано много. Хочется сказать только о Базарове-человеке. И, в частности, о любви Базарова.

В любви у Тургенева всегда побеждали женщины. Побеждали, то есть были выше, искреннее, честнее, жертвеннее мужчин. В романе «Отцы и дети» — наоборот. Все неповторимые черты тургеневских женщин автор увидел в Базарове. Как это случилось? Ведь весь облик Базарова (портрет, движения, манера говорить, резкость, категоричность, даже цинизм) говорит нам о противоположном. Не всегда внешнее выражает внутреннюю суть. До нас не дошло письмо Ф.М. Достоевского к Тургеневу. Тургенев, отвечая Достоевскому на это письмо, вероятно, и имел в виду эту диалектику проникновения в сущность своего героя: «Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумления — и удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не считал нужным вымолвить».

Можно составить более конкретное представление о содержании утраченного письма Достоевского. Такую возможность дает нам письмо Тургенева к В.П. Боткину от 26 марта 1862 года: «Достоевский уверяет, что эта одна вещь стоит всего, что я написал, сравнивает ее с «Мертвыми душами»(!)».

Внутреннюю суть Базарова Ф.М. Достоевский увидел и почувствовал точнее многих доброжелательных и недоброжелательных критиков. Тургенев писал: «Многие из моих читателей удивятся, если я скажу им, что, за исключением воззрений Базарова на искусство, — я разделяю почти все его убеждения...» А в одном из своих писем Тургенев говорит еще конкретнее: «Если читатель не полюбит Базарова со всей его грубостью, бессердечностью, безжалостной сухостью и резкостью, если он не полюбит, повторяю — я виноват, я не достиг свой цели».

Достиг своей цели автор — не полюбить Базарова невозможно. Полюбить так, как полюбил Базаров Одинцову, дано не многим. Он честен, открыт, он «не играет роль», он готов пожертвовать собой ради нее. Трагическое заключается в том, что при всех достоинствах Одинцовой она никогда не будет жертвовать собой: «Нет, — решила она наконец, — Бог знает, куда бы это повело, этим нельзя шутить, спокойствие все-таки лучше всего на свете».

После смерти Базарова «Анна Сергеевна вышла замуж, не по любви, но по убеждению, за одного из будущих русских деятелей, человека очень умного, законника, с крепким практическим смыслом, твердой волей и замечательным даром слова, — человека еще молодого, доброго и холодного как лед».

Удивительно, но для Базарова она — «великодушная... и такая молодая, свежая, чистая... Ну, прощайте! Живите долго, это лучше всего...

— Меня вы забудете, — начал он опять, — мертвый живому не товарищ. Отец вам будет говорить, что вот, мол, какого человека Россия теряет... Это чепуха, но не разуверяйте старика... и мать приласкайте. Ведь таких людей, как они, в вашем большом свете днем с огнем не сыскать... Я нужен России... Нет, видно, не нужен. Да и кто нужен? Сапожник нужен, портной нужен, мясник... Мясо продает... мясник... постойте, я путаюсь... Тут есть лес...»

Читатель не может не полюбить Базарова, конечно, если он, читатель, созвучен с душою Базарова, человека, как сказал Достоевский, «великого сердца». Важнейшие проблемы русской жизни были для Базарова важнейшими проблемами его личной жизни. А проблемы эти «...вызывают в русском уме самые беспокойные мысли, с которыми, чувствуется это, справиться можно далеко не сейчас». Самая главная, самая коренная проблема («образованное общество» и народ) волнует умирающего Базарова. И еще одно главное беспокоило умирающего Базарова: он хотел видеть женщи-

ну, которую любил, он хотел остаться с ней в последние секунды своей жизни наедине... Да ведь только ей, единственно ей, он, обращаясь к Родине, говорит эти главные последние слова: «Нужен ли я России?..» Натура целостная, готовая на жертву... Он и женщину любит так же свято, как свое Отечество, свой народ. Но между народом и Отечеством, и любимой женщиной пролегла пропасть, и она остается непреодоленной.

Ничего случайного в жизни не бывает. И тот порез пальца при анатомировании трупа, и отсутствие адского камня у лекаря... Он, Базаров, такой опытный в своем медицинском деле, вдруг ранит палец... Это происходит как раз в период полного осознания Базаровым той пропасти, которая лежит между ним и Одиной. И эта ситуация, может быть, стала решающей в трагической жизни Базарова. «Ведь даже такой гениальный человек, как Гоголь, умирает перед нами, уморив себя сам, в бессилии создать и в точности определить себе идеал, над которым он мог бы не смеяться». Эти слова Евгению Базарову Ф.М. Достоевского: «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на погибель — потому, что она все-таки стоит еще в преддверии будущего, — мне мечтался какой-то странный pedant с Пугачевым».

Умиравшего Базарова отец просит, чтобы сын утешил его с матерью, чтобы исполнил долг христианина. «...По лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное.

— Я не отказываюсь, если это может вас утешить, — промолвил он наконец, — но, мне кажется, спешить еще не к чему... Ты сам говоришь, что мне лучше.

— Лучше, Евгений, лучше, но кто знает, ведь это все в Божьей воле, а исполнивши долг...

— Нет, я подожду, — перебил Базаров. — Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! Ведь и беспамятных причащают.

— Помилуй, Евгений...

— Я подожду. А теперь я хочу спать. Не мешай мне...

Старик поднялся, сел на кресло и, взявшись за подбородок, стал кусать себе пальцы».

Думая о Базарове, я думаю о Тургеневе... Пройдет 22 года. Во Франции, в Бужевале, умирает Тургенев. Господь давал ему время на покаяние. Он болел продолжительное время, смерть не была внезапной. Русские друзья, которые были рядом, предложили Тургеневу причаститься. Но он — отказался. В последние секунды своей жизни узнал П.Виардо и сказал: «Вот царица из цариц! Сколько добра она сделала!»

А это Базаров: «Прощайте... Послушайте... ведь я вас не поцеловал тогда... Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...»

«Базарову уже не суждено было просыпаться... Отец Алексей совершил над ним обряд религии. Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося каддила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице. Когда он испустил последний вздох и в доме началось всеобщее стенание...»

...«Кусаю пальцы» и плачу... Хотя есть утешение. Когда умер мой учитель (профессор А.М. Абрамов), вечером к нам приехал из Троицкой Лавры архимандрит Ефрем. Мне было тяжело, и я поделилась с бабушкой: не причастился перед смертью Анатолий Михайлович. А бабушка утешил меня: «Не печалься, если он достоин, то там причастит его Великомученица Варвара». И стало как-то спокойно. Варвара Великомученица, так верится, — причастила и Базарова, и Тургенева — великого писателя, добрейшего человека, светлого, достойного гражданина своего Отечества, которого мучали (как и Базарова) важнейшие проблемы русской жизни. Мечта его была русской, добродетельной, красивой...

Со дня рождения И.С. Тургенева прошло 200 лет. А мечта писателя (как и Базарова) остается русским двигателем. «Народ освобожден, но счастлив ли народ?»

В последние годы остро чувствуется кризис идентичности, в первую очередь среди молодежи. Бьются в муках современные Базаровы. Сегодня, можно сказать, молодежь лишена мечты: все свелось к тупому материальному преуспеянию. То, что считалось нравственным, теперь слывет глупостью... Субкультуры, квазирелигии, античеловеческие обличия пропагандируются на телевидении, на сценах театров, на выставках художников.... Все это направлено на разрушение русского человека.

Да, Иван Сергеевич, проблемы, мучающие Вас и Базарова, еще более сложно поддаются решению в наше время. Причина? Наверное, на этот вопрос хорошо ответил патриарх Кирилл, в одном из своих последних выступлений сказав, что «главное достижение дьявола сегодня заключается в том, что люди его перестали бояться».

«Существуют духовные законы, как и законы физического мира, и их нарушение — это страшная беда. Один из этих законов — дух творит форму. То есть духовное состояние определяет всю его жизнь, жизнь народа и общества».

Сегодня И.С. Тургенев, все его творчество, особенно его Базаров заставляют понять, что мечта русская опирается на внутреннюю скромность личности, на волю ее, на ее веру. Основой мечты должно стать то, что лежит в основе характера Базарова: дерзновение, восхождение к новому. Почему так трагически оборвалась жизнь Базарова? Христианину понятно, что «здесь мы касаемся самой сути христианства, которая часто ускользает от нашего внимания. Что добродетели необходимы, что надо трудиться — мы знаем, но они нужны лишь постольку, поскольку приводят человека к смирению.

Что значит к смирению? Видению себя неспособным справиться со своими грехами, привычками, страстями».

Сказано: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15,5).

Сегодня для того чтобы жизнь продолжилась на Земле, мы должны, мы обязаны понять, что в своей красивой мечте о красивой человеческой жизни мы должны видеть спасение во Христе — и личное, и коллективное.

